

INSPIRIA

МРАЧНОЕ
ЗАЗЕРКАЛЬЕ,
ЖИВУЩЕЕ
ПО ЗАКОНАМ
СТРАШНОГО СНА

ОТ СУТ СТ ВИЕ АННЫ

ЯНА ЛЕТТ

INSPIRIA

Universum. Магический реализм Яны Летт

Яна ЛЕТТ

Отсутствие Анны

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Летт Я.

Отсутствие Анны / Я. Летт — «Эксмо», 2021 — (Universum.
Магический реализм Яны Летт)

ISBN 978-5-04-121068-7

Жизнь Марины разделилась на до и после, когда исчезла дочь. Анна просто не вернулась домой. Пытаясь понять и принять случившееся, Марина решает разобраться в себе и отправляется к истокам своего материнства. Странствия в лабиринтах памяти ведут ее к разгадке странной истории взрослого и подростка, равно одиноких, потерянных, стремящихся к любви. Но Марина и представить не могла, как далеко заведут ее эти поиски. Новая книга писательницы Яны Летт, которая уже завоевала сердца читателей своим предыдущим циклом «Мир из прорех». Атмосферный магрелизм затянет вас в зазеркалье сна и не отпустит. Это роман о поиске близкого человека через поиск себя. Хорошо ли наши родители знают нас? А хорошо ли знают себя? Книга о семье, о матери и дочери, о каждом из нас. Роман по достоинству оценен писательницей Ширин Шафиевой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121068-7

© Летт Я., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Тогда	6
Глава I	6
Дневник Анны	13
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яна Летт

Отсутствие Анны

Маме, которая сумела дать мне то, чего не было у Анны

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Летт Я., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Тогда

Глава I

*«Время переплавляет любого в крик.
Время – всего лишь отсчет назад на пути к неизбежному. Все
говорят так громко, чтобы заглушить саму мысль об этом.
Я же творю тишину бесстрашия».*
(Надпись на форзаце учебника по алгебре)

Марина сидела перед клеткой с галдящими мужчинами и пыталась собраться с мыслями.

Она явилась в полицию ближе к вечеру. Пришла бы и раньше, но почему-то у нее засела в мозгу не своя, фильмовая мысль о том, что в полицию можно идти, только когда пропавшего нет хотя бы три дня. Меньше трех дней отсутствия – пустяк, ради которого не следует отвлекать серьезных людей от работы.

Поэтому последние два часа Марина просидела у входной двери, перенесла стул из кухни, и снова и снова звонила, натываясь на «абонент вне зоны действия сети». Свои попытки она прервала только дважды. Один раз – когда ее осенила спасительная и фальшивая мысль о том, что Аня задержалась у подруги. Марина набрала единственный известный ей номер. Трубку сняла мать Аниной одноклассницы, которая говорила сочувственно, с хорошо выверенной толикой вежливого волнения, но было в ее голосе и что-то еще. Только положив трубку, Марина поняла что. Недоумение.

Девочка, матери которой она позвонила, явно никогда не была так близка с Аней, как ее дочь утверждала, отмахиваясь этим номером от Марининых расспросов.

Маргарита Михайловна, Анина учительница, к счастью, не только сразу взяла трубку, но и посоветовала Марине обращаться в полицию немедленно, не теряя больше ни минуты. Так она и сделала – только долго выбирала в коридоре между кроссовками и туфлями на каблуке, пока не затряслись руки. Руки выплясывали задорную тарантеллу, как будто решив вести теперь отдельную, веселую жизнь, не имеющую ничего общего с полным скорби и страха телом, а Марина смотрела на черные туфли с тонким каблуком так, как будто видела их впервые.

Позднее Марина не раз пыталась вспомнить, что именно чувствовала между моментом, когда осознала, что Аня не просто опаздывает, и мигом, когда перешагнула порог полиции. Она не воображала немислимых ужасов, которые могли случиться с дочерью, не пыталась успокоить себя сладкими сказками о вечеринках непослушания, пронизанных запахами дешевых коктейлей в банках и розовой жевательной резинки. Собственно говоря, единственной эмоцией, которую она могла вспомнить, было отупение – если его вообще можно считать эмоцией.

По привычке она шла ближе к краю тротуара – стояла осень, сухие листья сгребали к бордюрам, а Марина любила чувствовать, как они шуршат и похрустывают, приволакивать ноги, как в осенней морской воде... Но сегодня листья молчали.

В приемной совсем юная девочка в кителе, не сходявшемся на огромном беременном животе, посмотрела на нее округлившимися глазами, когда она спросила, где здесь можно заявить о пропаже ребенка. Возможно, дело было в том, как она запнулась на слове «ребенок». Внутренне она уже несколько лет не могла заставить себя определять Аню именно так, хотя технически, конечно, ее дочь была ребенком – ребенком на пороге шестнадцатилетия.

Оказалось, чтобы подать заявление, нужен следователь, а следователя нет на месте, поэтому придется подождать. Девочка в кителе отвела ее куда-то и предложила воды или чая. Марина ответила что-то и тут же забыла что.

Коридор, в который ее привели, был выкрашен светло-желтой краской, неровно, с потеками. Часть его оказалась огорожена решеткой, за которой шумно и возбужденно переговаривались бомжи – Марина на миг оторопела.

В тот день она впервые была в полиции и не ожидала, что задержанные на улицах бродяги будут заперты неподалеку от места ожидания для матерей, пришедших подать заявление о пропаже ребенка, пусть даже и такого взрослого, как Аня. Люди за решеткой какое-то время с любопытством разглядывали ее и даже что-то говорили, но вскоре оставили в покое.

Чтобы отвлечься от лишних мыслей и тяжелого запаха, Марина попыталась представить себе, что делала бы на ее месте Идеальная Мамочка. Наверное, уже закатила бы истерику и кричала на несчастную беременную в кителе, требуя, чтобы все силы полицейского участка были брошены на поиски ее детки.

Марина представила, как, спустя всего несколько часов, будет говорить по телефону с кем-то из подруг и рассказывать о пережитом. *«Я там чуть с ума не сошла...»*

Пожалуй, с учетом ситуации можно будет не просто намекнуть на собственную стойкость, а говорить о ней открыто. Да, именно так. Ситуация достаточно чрезвычайна, чтобы позволить себе слабость похвастаться силой духа. Марина нальет себе полный бокал красного вина, закурит сигарету в доме (этого она почти никогда себе не позволяла) и будет говорить долго и обстоятельно, каждым новым разговором выдавливая боль и страх, накопившиеся за день, без остатка. Сигаретный дым будет плавать по комнате. За окном будет заниматься рассвет. Аня будет спать у себя в комнате. Целая и невредимая. Дома.

Фантазия была такой яркой, что, когда ее окликнули, Марина не сразу сообразила, где находится. Думала, пришел следователь, но нет – просто девочка в кителе принесла чашку чая на блюдечке. Чашка была не казенная, ярко-розовая, с веселой овечкой, говорящей «Бе-е-е» белому сколу на краю. В чае плавали, медленно, как в танце, темные чаинки. На блюдечке лежал, сиротливо прижимаясь к чашке, каменный с виду пряник.

– Если хотите, я еще пряников принесу, – торопливо сказала девчонка, косясь на клетку с мужчинами. – Или, хотите, можете со мной посидеть в кабинете. Только там... Не совсем чисто.

Мысль о том, что же должно твориться в кабинете, если там менее чисто, чем в коридоре с бомжами, вяло ударила хвостом в мутной жиже мыслей и не вызвала ни малейшей ряби на поверхности. Обычно Марина непременно улыбнулась бы собственной шутке или ввернула что-то остроумное вслух. Она любила нравиться незнакомцам... Но, кажется, девочка и так была к ней более чем расположена. Марина мгновенно представила, что такие вот сочувственные взгляды и робкие, тихие шепотки будут сопровождать ее теперь бесконечно долго, может быть, всю жизнь, и резко встала. Звякнула ложка о край блюда.

– Не подскажите, где здесь туалет?

Девчонка торопливо объяснила.

В туалете Марина долго умывалась холодной водой – тушь потекла, лицо покраснелось. Долго и бессмысленно она разглядывала себя в зеркале: бледное лицо в потеках косметики, высокий лоб без единой морщины, волосы цвета масла – так говорила парикмахерша, к которой она ходила краситься, хотя ни оливковое, ни сливочное в холодильнике ничуть не походили на этот сияющий сусальной позолотой цвет.

Несколько минут она медлила у зеркала, думая, стоит ли подправлять макияж. Простейший выбор вдруг стал неразрешимой задачей. Происходящее с ней не имело логического объяснения. В супермаркете, хотя Марина ничего и никогда не крада, она часто стремилась быстрее пройти мимо охранников, опуская глаза, будто взгляд мог ее выдать. Так же и теперь ей вдруг показалось, что излишне аккуратный макияж может заставить представителей закона заподозрить ее в черствости – быть может, в причастности?.. Ногти, покрытые бордовым лаком, с противным скрипом впились в край раковины.

Идеальная Мамочка не об этом думала бы теперь, когда драгоценная дочка находится неизвестно где. Она бы бежала через полгорода в разных тапках и одном носке и теперь, срываясь на крик, требовала бы, чтобы ее приняли немедленно, сейчас же...

Глаза болели, и она машинально извлекла ярко-синие линзы, высвобождая настоящий цвет глаз, – как будто маску сняла. Глаза, очень темные, карие, при определенном освещении почти вишневые, были единственным, что внешне связывало их с Аней.

В дверь постучали, а затем в щели появилось лицо девчонки, с которого не сходило выражение испуганной почтительности. При взгляде на Маринино лицо в потеках дорогой туши девчонка машинально прижала ладонь к животу. «Радует, что не на моем месте, – подумала Марина. – И, может быть, молится – если у нее есть бог, – чтобы никогда на нем не оказаться».

– Следователь пришел, – робко сообщила девчонка. – Он вас ждет у себя в кабинете.

Марина кивнула:

– Спасибо. Я приду через минуту. – Она потянулась за салфеткой, смочила ее водой. Перед тем как закрыть дверь, девчонка быстро стрельнула в нее взглядом – на этот раз почти благоговейным. Как минимум она не увидела в том, чтобы поправлять макияж перед встречей со следователем, ничего зазорного – возможно, наоборот, восхитилась Марининой стойкостью. «Здравствуйте, моя дочь сегодня не вернулась домой после школы...» Покрытый белой казенной плиткой пол вдруг сделал красивый кульбит, метнулся в лицо, как камень из пращи, и Марина с трудом устояла на ногах.

Она должна вспомнить все, что может оказаться важным. Должна сохранять спокойствие. И сделать все, чтобы Аню нашли. Первый раз за день Марина вдруг с ледяным спокойствием подумала, что не перенесет, если Аня не найдется, не перенесет, если именно такой станет ее история... Если это и станет ее историей.

Кабинет следователя плавал в облаке сигаретного дыма, и, увидев ее, очень толстый и лысый человек с лиловеющим родимым пятном на жирной шее виновато помахал рукой, безуспешно пытаясь его разогнать.

– Пожалуйста, курите, – прошептала она. – Мне не мешает.

Следователь благодарно кивнул и повел перед собой рукой, показывая на очень жесткий с виду стул:

– Садитесь.

Размещаясь на стуле, не обманувшем ожиданий, она вдруг с изумлением увидела в глазах этого толстого усталого человека искреннее, не казенное сочувствие.

– Имя, фамилия, отчество?

– Анна Максимовна Межова.

Она наткнулась на строгое «Анна» (дочь всегда требовала называть себя только так, и никак иначе), как на забор с острыми кольями.

– Хорошо. Меня зовут Анатолий Иванович. Анна Максимовна, пожалуйста, рассказывайте, что случилось. Спокойно и по порядку.

Марина растерянно покачала головой:

– Извините. Анна – моя дочь. Меня зовут Марина... Марина Антоновна.

Следователь терпеливо кивнул:

– Очень хорошо. Итак, ваша дочь, Анна Максимовна Межова... У вас есть документы? Паспорта, свидетельство о рождении?

Она торопливо кивнула, почувствовав неуместный прилив радости, как после удачного ответа на экзамене, – как будто то, что она прихватила с собой мятый файл с документами перед выходом из дома, гарантировало, что теперь все точно будет хорошо.

– Да. Вот... Анин паспорт. Она не носит его с собой. Свидетельство о рождении... О, мой паспорт, вот... Все здесь. Нужно еще что-то?

– Нет, этого пока вполне достаточно. А теперь, Марина... Антоновна? Пожалуйста, успокойтесь и подробно расскажите, что случилось.

Не сбиваясь, мысленно отмечая, что голос не дрожит, Марина рассказала о том, как к трем начала беспокоиться, как не могла дозвониться до дочери и как потом догадалась позвонить ее классной руководительнице. Звонок Аниной «подруге» она упоминать не стала. Следователь одобрительно кивнул:

– Она все правильно сказала. В случае с несовершеннолетними мы не ждем три дня, Марина Антоновна. У вас дома сейчас кто-то есть?

– Что?.. Нет. Мы с Аней живем вдвоем.

Следователь устало потер переносицу.

– Понятно. Тогда, пожалуйста, попробуйте позвонить на мобильный Ани еще раз, с моего телефона, а потом давайте позвоним к вам домой. Может, вы разминулись и она вернулась в квартиру, пока вас не было? У нее ведь есть ключи?

Марина послушно, как маленькая девочка, играющая в телефон, набрала знакомые цифры. Под взглядом Анатолия Ивановича это было не так страшно, как дома, и на мгновение она поверила, что Аня вот-вот ответит.

– Не отвечает, – сказала Марина, и ее голос впервые дрогнул.

Следователь откашлялся, подвинул к себе ручку.

– Марина Антоновна, сейчас мы поедem к вам домой, но сначала я попрошу вас сосредоточиться и ответить на все мои вопросы как можно подробнее. Ничего не упускайте, каждая мелочь может быть важна. Хорошо? Готовы?

Марина кивнула. Следователь взял с ней верный тон – он предлагал сложную задачу, а решать задачи Марина любила. Выучить пятьдесят билетов в ночь перед экзаменом и сдать на «отлично». В одиночку исправить проект, который профессионально запорола целая редакция. Спокойно и подробно отвечать на вопросы толстого незнакомца, когда твоя дочь пропала. Сложный вопрос – немедленный и точный ответ. Проще простого.

– Хорошо. Вам известен IMEI-код телефона вашей дочери?

Привычная схема дала сбой, и Марина вздрогнула.

– Не уверена... Что это?

Толстяк вздохнул, поерзал.

– Уникальный код. Он есть у каждого телефонного аппарата. Обычно написан на коробке от телефона... У вас есть коробка от телефона Ани?

Волна облегчения была горячее, как слишком торопливый глоток чая.

– Да! Да, дома, в шкафу...

– Хорошо. По коду мы сможем выяснить, когда и где аппарат включался в последний раз. Дальше. У Ани есть социальная карта школьника?

– Да, конечно.

– Вам известен ее номер?

Марина прерывисто вздохнула:

– Я не... Я никогда не думала, что...

– Не переживайте. – Анатолий Иванович опасливо помахал перед собой рукой, будто отгоняя комара. – Мы выясним это в школе. Марина Антоновна, мне очень поможет, если вы подробно опишете, во что была одета Аня... Вот здесь – моя почта. Вы можете прислать фото, на которых хорошо видна ваша дочь? Одно фото лица, одно – полноростовое. Сможете прислать с телефона?

– Да... Да. – Марина приободрилась. Теперь она правильно отвечала на вопросы. Почему-то она ожидала, что *на самом деле* здесь никому не будет дела до чужой беды, что с ней будут говорить каркающими голосами и смотреть свысока.

– Если так вам будет удобнее, напишите. Было бы хорошо, если бы вы нашли фото именно в той одежде, которая была на Ане сегодня утром, когда она уходила из дома. Но если сразу не найдете, ничего, пока пришлите, какие есть... Потом у нас впереди еще два важных дела. Подробно опишите маршрут, которым обычно Аня возвращается из школы. Показания камер хранятся несколько дней. Если они зафиксировали Аню, мы это выясним. – Следователь запнулся. – Что-то не так?

Марина торопливо замотала головой:

– Нет... Нет...

Она вдруг поняла, что понятия не имеет, как именно Аня возвращается домой из школы – идет пешком или садится в троллейбус? Доходит до метро за компанию с подружкой, чтобы проехать одну станцию? Точно не последний вариант – в этом Марина была уверена. Недавний звонок по номеру одноклассницы был самообманом – по крайней мере, отчасти. Марина не знала точно, есть ли у Ани друзья в классе, но, честно говоря, всегда подозревала, что на самом деле хорошо знает ответ.

– Она... Иногда она ездит на троллейбусе, а иногда ходит пешком... Я не знаю, как именно сегодня...

– Ничего страшного. Опишите ниже все возможные маршруты. Мы все проверим. Когда закончите с этим и с фото, нужно будет написать заявление, чтобы Следственный комитет возбудил дело.

– Уже? – Она наткнулась на недоуменный взгляд и торопливо поправилась: – В смысле... Так быстро?

– Таковы правила. – Следователь опустил глаза, выровнял стопку бумаги. – Не переживайте, Марина... Антоновна. Это нужно, чтобы как можно скорей помочь Ане. Так у нас будут все полномочия, понимаете? При пропаже несовершеннолетнего Следственный комитет всегда возбуждает дело об убийстве. Стандартная процедура.

– Убийстве, – повторила Марина тихо.

– Стандартная процедура, – торопливо повторил следователь, словно магическую формулу, которая должна была ее успокоить. – Это, разумеется, ничего не значит. Не волнуйтесь. Я продиктую, что написать.

Марина кивнула. Голова кружилась, как будто по ней хорошенько врезали чем-то тяжелым. Это к лучшему.

Головокружение было как хорошая анестезия, и Марина мысленно пожелала, чтобы оно подольше не заканчивалось.

После того как формальности были соблюдены, Анатолий Иванович велел ей снова позвонить домой. Она повиновалась механически.

– Идемте, Марина Антоновна. – Следователь тяжело поднялся со стула, потянулся за фуражкой. – Сейчас мы возьмем с собой одного моего коллегу, а перед этим нужно, чтобы вы зашли в кабинет 212 – это на втором этаже – и дали там образец буккального эпителия. Скажете, что...

– Моей... Что?

– Аня – ваша биологическая дочь?

– Что? – Марина закусила губу, глубоко вдохнула, стараясь успокоиться. – Да, конечно.

– Тогда нам нужен буккальный эпителий, – терпеливо повторил Анатолий Иванович, – чтобы получить образец ДНК. Просто соскоб с внутренней стороны щеки. Это совершенно безболезненно, не волнуйтесь.

– О. Не знала... Я раньше об этом ничего не знала. Да, конечно.

Следователь внимательно смерил ее взглядом с ног до головы:

– Марина Антоновна, вы нормально себя чувствуете? Не нужно вызывать врача?

Она недоуменно уставилась на собственные руки, машинально разглаживающие плиссированную модную юбку снова и снова, как будто это могло подсказать правильный ответ:

– Нет. Я чувствую себя... Нормально. Я готова ехать.

– Ладно. – В голосе следователя ей послышалось глубокое недоверие. – Но, пожалуйста, если почувствуете, что вам становится плохо, сразу скажите, хорошо?

– Да, конечно. Я скажу.

Остаток дня промелькнул как в тумане. Марина не привыкла не понимать, что происходит, слушать чужие указания, вместо того чтобы раздавать собственные, как дома или в редакции. Но оказалось неожиданно легко и даже приятно отставить в сторону руль и ветрила и позволить другим разбираться в ее беде. И Анатолий Иванович, и его коллега Наталья (темный дешевый костюм, неожиданно острый и тяжелый для молодой женщины взгляд) знали, что делают. Марина – нет.

Поэтому она послушно позволила женщине в белом потереть мягкой палочкой ее щеку изнутри (и это было безболезненно, совершенно безболезненно) и поехала домой вместе с Анатолием Ивановичем и какими-то еще уверенными людьми, чьи лица она едва запомнила. Когда они переступили порог квартиры, она почему-то почувствовала себя так, словно зашла в это аккуратное гнездышко с современным и стильным ремонтом впервые. Все казалось непривычно пустым.

Вскоре туда подъехали еще какие-то люди, чьи имена и лица запоминать она уже не стала, и все перевернули вверх дном. Они повыбрасывали вещи из ящиков комода, а бумаги – из письменного стола, конфисковали оба компьютера и Анин планшет, пока на кухне Марина послушно диктовала Наталье номера телефонов Аниной классной руководительницы, тети Максима... И объясняла, что не знает действующего номера отца Ани, но что номер можно узнать у его тети или через соцсети у него самого.

Это было как ночной кошмар, не желавший кончаться. Каждый уголок ее жилья, когда-то выверенный, уютный, надежный, теперь был перевернут, осквернен, испорчен этими чужими людьми. И она сама позволила это насилие. Это было жертвой безликой силе, служителями которой были эти серые люди. И Марина была готова на эту или любую другую жертву – лишь бы сила ей помогла.

Допоздна квартира была наполнена суетой, и Марина была этому рада. Ее успокаивало присутствие этих уверенных деловитых людей, методично выполняющих свою функцию... Поэтому когда вдруг они как-то резко засобирались уходить, она ощутила ужас при мысли, что уже через минуту останется дома одна – наедине с собой и мыслями.

Последним квартиру покидал Анатолий Иванович, и, неожиданно для себя самой, Марина цепко схватила его за рукав – совсем как хватала Аня, когда просила не вести ее в детский сад – кажется, жизнь назад. Марина попыталась вспомнить, когда в последний раз брала дочь за руку, и не смогла. Поймала растерянный взгляд следователя, который деликатно отцеплял пальцы от рукава один за другим – словно убийца перед тем, как столкнуть жертву с обрыва.

– Подождите, пожалуйста... Что мне делать? Когда вы вернетесь?

Анатолий Иванович наконец справился с ее пальцами, похлопал по плечу – панибратство, возмущившее бы Марину до глубины души в обычной жизни... С которой, быть может, покончено навсегда. Она нервно сглотнула.

– Не волнуйтесь. – Анатолий Иванович нахлобучил фуражку на голову, мельком бросил взгляд в зеркало. – Следственный комитет возбудит дело в течение трех дней. Они вас сразу вызовут, так что будьте готовы.

– Трех дней? А до этого...

– До этого мы будем делать все возможное, – отчеканил Анатолий Иванович, и в его тоне зазвучала ребяческая рисовка. – Не выключайте телефон. Будьте на связи.

– Хорошо, но... – Она с великим трудом удержалась от того, чтобы снова вцепиться в его рукав. – Что *мне* делать?

Он внимательно посмотрел на нее, помедлил, прежде чем ответить.

– Попробуйте связаться с Аниным отцом. Напишите ему. Мы тоже свяжемся с ним, но бывшие супруги... Хм. В большой доле случаев выясняется, что ребенок со вторым родителем или его родственниками...

– Но это никак... Аня говорила, что Максим сейчас даже не в России, и...

– И все же попробуйте, – настойчиво повторил Анатолий Иванович, делая маленький, но настойчивый шаг назад, к выходу. – Можете пообзванивать больницы и... – Он запнулся, но она поняла, что именно он хотел – и не стал говорить.

– Хорошо. Большое вам спасибо. – Она старательно выговорила эти последние слова, мысленно бросив себе кость за хорошее поведение. Удивительно, на что способен человек на автопилоте. Удивительно и противоестественно.

– Не за что, – машинально откликнулся он, продолжая рассеянно пятиться к двери – как бы ни был велик коридор, уже скоро, если она не отпустит его, следовательно придется топтаться на месте в странном ритуальном танце. – И, Марина... Могу я называть вас просто «Марина»? Лучше позвоните кому-то из родных или друзей. Не стоит оставаться сегодня одной.

Она уже в третий раз с неимоверным трудом подавила бешеное желание схватить этого человека за рукав, умоляя остаться... Бог знает, как бы ее понял этот замученный работой (сейчас, в электрическом свете, она заметила сеть красных прожилок на белках его глаз) толстый человек, но в ее желании была только жажда задержать в его лице четкий план действий, иллюзию деятельности... Надежду на благополучный исход.

Марина нервно поежилась, поворачивая ключ в замке. Ее снова сильно трясло, и на кухне она, задержав дыхание, залпом выпила добрые полстакана подаренного кем-то коньяка, одним глотком, как выпивают гадкое, но необходимое лекарство. По желудку разлилось приятное тепло, в котором, словно медленно занимающаяся гроза, клубилась нарастающая истерика... И, чтобы задушить ее на корню, Марина, не мешкая, налила еще и выпила так же, залпом.

На мгновение она задумалась о том, не последовать ли совету следователя, но потом представила, как подруги с сочувственным кудяхтаньем и глазами, поблескивающими от жадного любопытства, вваливаются в квартиру с текилой наперевес, и содрогнулась. Позвонить тете Максима? Марина смутно понимала, что должна сообщить ей о пропаже внучатой племянницы раньше, чем это сделают казенные голоса, но не могла собраться с духом. Еще не теперь.

Была и другая причина, в которой Марина с легкостью призналась самой себе, машинально наполняя стакан в третий раз и выбирая Анин номер на экране телефона. Она *знала*, что эту ночь должна провести одна. Если то, что происходит, – наказание, она должна принять его в одиночестве. Марина судорожно всхлипнула, ухватила нетвердой рукой за край стола. В кои-то веки она пожалела, что сохраняла абсолютную стойкость в вопросе домашних животных. У них дома никогда не было ни собаки, ни кошки, ни даже черепахи или хомяка. Сейчас было бы хорошо уткнуться во что-то живое, не понимающее тяжести ее ноши, но сочувствующее всей своей маленькой душой... Молча.

За окном тяжело заскрипело старое дерево, защищающее от зноя летом и обеспечивающее темноту кухне круглый год, – как будто протяжно застонал человек.

«Абонент вне зоны действия сети».

Марина подумала о другом совете Анатолия Ивановича и медленно пролистала список контактов до буквы «М», зная, что нужного номера там нет. Последние пару лет его номер не был ей нужен. До сих пор.

Машинально она протянула руку туда, где обычно стоял ноутбук, но пальцы ухватили лишь воздух – ноутбук забрали. Если захочет, она легко и быстро найдет Аниного отца в социальных сетях, расспросит общих знакомых... Ее бывший одноклассник мог продолжить общаться с ним – Марина попыталась вспомнить имя и не сумела.

Мысли перекатывались, как стеклышки в детском калейдоскопе. У Ани был такой давным-давно. Она очень любила его, любила так сильно, как редко любила вещи, всюду носила с собой, а потом, кажется, потеряла – оставила в детском саду? Опрометчиво одолжила кому-то из настойчивых товарищей по детской площадке? В раннем детстве Аня избегала других детей, но, если не удавалось, плохо умела им сопротивляться. Марина нервно отхлебнула коньяка, и горло обожгло горьким жаром. Она не могла вспомнить, что именно случилось с калейдоскопом... И почему-то ей вдруг показалось, что вспомнить это – куда важнее, чем дозвониться до Аниного отца. Важнее, чем обзванивать больницы. Она торопливо отпила еще коньяка, глубоко вздохнула, нервно закусилла нижнюю губу и обнаружила, что уже изгрызла ее до ошметков, как не делала со времен учебы в университете. Ее вело, голова кружилась, и кухня дробилась, плясала, распадалась.

Почему-то Марина почувствовала, что вспомнить, что случилось с калейдоскопом, – предельно важно.

Дневник Анны

«1 сентября

Не знаю, почему я думала, что теперь они прекратят.

Летом все кажется другим. Издалека угрозы выглядят крохотными. Как люди умудряются вестись на такой простой оптический обман? На даче или на море они посмеиваются над одноклассниками и учителями, как будто напрочь забывают о страхе и ненависти. Они так радуются бабочкам и плеску волн, что совсем забывают головой подумать. В конце концов, окончание лета захватывает их врасплох, и они возвращаются по коробкам, присмиревшие, чтобы уже через пару дней снова начать и страдать, и ныть, и жаловаться, и обещать себе, что в следующем году... Что?

Впрочем, кажется, в этот раз и я тоже поддалась общему помешательству – и поплатилась за это. Потеря бдительности – непозволительная роскошь для того, кто еще не окончил школу.

Утром мама, как всегда, ушла на работу попозже, чтобы проводить меня. Лучше бы она этого не делала. Охи, ахи, умиленный щелчок фотоаппаратом – кажется, если бы в улыбках можно было перемазаться, эти я бы оттереть не смогла.

– Просто не верится, что ты стала совсем взрослой. Подумать только, выпускной класс. Аня, ты наелась?

– Да, сыта по горло, спасибо.

Она прекрасно знает, что я ненавижу, когда меня называют „Аней“, и все равно каждый раз упорно продолжает талдычить свое. Папа, когда я еще имела глупость делиться с ним тем, что думаю, говорил, что мама не хочет обижать меня или злить. Раньше, в детстве, я в это верила, но больше – нет. Когда она говорит свое „А-ня“, в ее глазах загорается удовлетворенный, счастливый огонек. Она отлично знает, как сильно меня бесит. Ей это нравится.

– Я купила тебе цветы. Заказала вчера. Они в коридоре.

Кажется, она обиделась на мое „сыта по горло“, ну, что ж. Получила за дело. По крайней мере, больше в это утро она меня „Аней“ не называла, и я милостиво погладила ее по шерстке.

– Спасибо, мам. Неплохие.

Она довезла меня до ворот школы, но, к счастью, не вышла из машины.

– Извини, опаздываю на работу. Не рассчитала. Удачи!

– Ага. Спасибо.

Громкий хлопок дверью машины, бегство. Очень забавно было убежать от нее сюда – примерно как если бы Одиссей спас свою команду от Харибды в пасти Сциллы.

Одноклассников я заметила издалека – возбужденно галдели, как дети, у самых ворот, сбились в стаю, как волки. Или скорее шакалы. Волки мне нравятся. Не знаю, чем они занимались летом, но явно не „Одиссею“ читали. Вообще не уверена, что кто-то из них когда-нибудь берет книгу в руки по доброй воле.

Меня заметили сразу. Я это поняла, потому что они еще сильнее сгрудились, стали близко-близко друг к другу, того и гляди слипнутся. Но ничего не сделали – слишком много людей, учителя, родители. Полный двор свидетелей.

Я открыла книгу, которую прихватила с собой, чтобы показать: я не стремлюсь общаться, но Маргарита Михайловна (бегущая надпись „хороший педагог“ на лбу), естественно, подвалила с жизнерадостной улыбкой наперевес.

– Аня! Какая удачная стрижка!

(Кажется, я попросила парикмахера убрать сантиметр или два с кончиков – иначе мать закатила бы скандал.)

– Поздравляю с началом нового учебного года! Что читаешь? Эдгар Алан По? Какая прелесть!

Вот за это я и ненавижу школу. Место, в котором человек, который вроде бы преподает литературу, может сказать про По „прелесть“, и никто его не остановит.

– Что ж, с новыми силами на штурм золотой медали?

– Да, попробую, спасибо.

А дальше она говорила какую-то дичь вроде:

– Очень порошок! Я в избе не сомневаюсь, Аня! Ты всегда божешь обратиться за помощью, если будет недужно. Одиннадцатый глаз – бремя не простая...

Впрочем, дальше я не слушала. За последние несколько лет мамы и школы я освоила этот навык в совершенстве. Стоишь, улыбаешься, киваешь, изредка озабоченно хмуришься – и, что характерно, почти всегда угадываешь с реакциями. Напрашивается вывод: люди, в принципе, практически никогда не говорят ничего важного.

Линейка прошла хорошо, потому что мне удалось спрятаться в задние ряды так, чтобы меня не видела Маргарита Михайловна, и всю дорогу читать книжку. Потом – классный час, на котором третий год подряд в старосты класса переизбрали Свету, а потом – русский, литература и биология. Не знаю, кто в принципе придумал заниматься учебой первого сентября, но, по крайней мере, не худший выбор предметов, спасибо.

Из школы я постаралась свалить раньше всех, но Света и компания все равно догнали меня по пути к метро. Что ж, попытаться стоило.

– Как прошло лето, Анечка?

– Где отдыхала, в Нарнии?

– Чего ты так спешишь? Посиди с нами, отметим начало года.

– Она не может, у нее дома дела ждут. Подготовка к ЕГЭ, все такое... Чем еще заняться первого сентября?

– А что, в Хогвартс по ЕГЭ принимают?

Прекрасно. В этом году Света гуляет еще и с парнями из параллельного класса. Впрочем, остроумия ее компании это не прибавило – факт.

Я вообще зря пошла к метро через паркообразный скверик. Пару раз уже попадалась на этом... Но в этот раз в нем было слишком много народу из-за 1 сентября, чтобы они решились по-настоящему ко мне пристать. А может, в одиннадцатом классе Света просто переросла желание отнимать у кого-то сумки и закидывать в кусты или хватать людей за волосы. Но я бы на это не слишком рассчитывала.

Дома я хорошенько вымылась под душем, и мне полегчало. За лето я и вправду забыла, каково это – каждый день быть там, где не хочешь, с людьми, от которых тебя тошнит. Интересно, взрослые люди сталкиваются с такими же проблемами на работе? Возможно ли вообще найти место, где все вокруг будут тебе нравиться и где при этом тебя не начнет очень скоро тошнить от самого себя?

Сомневаюсь.

Ночь с 1-го на 2 сентября

Я так хорошо чувствую себя в момент, когда пишу стихи, а потом перечитываю и вижу, насколько все это беспомощно и глупо. Больше не буду переписывать их сюда – записываю отдельно, в скетчбук, вместе с рисунками.

6 сентября

Иногда я думаю: в чем вообще смысл?

Все, что происходит со мной, уже происходило с кем-то до меня. Кто-то до меня ходил в школу и ее ненавидел. Пробовал говорить с матерью, чтобы снова и снова понимать: она не слышит и не услышит никого, кроме себя. Читал книги и понимал, что в его реальной, настоящей, единственной жизни никогда не будет ничего и вполнину настолько же интересного, как то, что удастся пережить в воображении. Если это так, зачем вообще стараться? Реальности никогда не угнаться за вымыслом, как ее ни причесывай, ни лакируй. Получится сплошное притворство – а ведь можно просто читать и думать, и получить гораздо больше удовольствия.

Судя по всему, жизнь быстротечна. Я слышала, как мои одноклассники говорят всю эту чушь типа: „До сорока еще так долго“ или „Когда это еще будет?“ Смешно. Весной тебе кажется, что лето впереди – целая маленькая жизнь, а потом оно проходит за мгновение. Когда-то, наверное, это было не так – в детстве все казалось необыкновенным и случалось впервые. Может, я повзрослела слишком быстро? Они там, в школе, говорят о летних отдыхах и своих смешных маленьких любовях, о баллах и поступлении, как будто их действительно ничего больше не волнует. Может, так и должно быть? Их рассудок защищается. И так, наверное, лучше. Мой – абсолютно незащищен перед осознанием того, что когда-нибудь я умру, и они все тоже умрут, и произойдет это гораздо быстрее, чем можно себе представить.

Сегодня я осознала, что смерти не боюсь. То есть не боюсь смерти как таковой – страшнее кое-что другое. Думаю, самое страшное – миг осознания того, что час пробил. Понимание, что уже ничего не поделать, время не оттянуть, не вернуть, не умиловить. Каждый раз перед сложной контрольной или за несколько дней до визита к зубному твердишь себе: „Ничего, этого, конечно, не избежать, но ведь осталось еще два дня... День... Три часа“. Вот только итог один: ты оказываешься в зубо врачебном кресле и осознаешь, что деваться тебе уже некуда.

Мне кажется, это ощущение похоже на ощущение за миг до смерти».

Глава II

*«Каждый раз, когда мы говорим, говорит только холодная
иглистая зона пустоты между нами – по ней рыщут зубастые волки и
бредет одинокий олень. Гибель оленя – вопрос времени.*

Он дрожит и дробится.

Он – моя жертва тебе».

(Из блокнота Анны)

Ночь за окном плавилась в свете старого фонаря. Сигаретный дым плавал по кухне. Марина закрывала форточку, и становилось душно, открывала – и начинала мерзнуть. Она понимала, что мерзнет, только замечая, как сильно ее трясет.

Некоторое время Марина разглядывала страницу Максима в соцсети. Фотографии бесконечных европейских пряничных городов, пальм и слонов, грязных вод Ганга и прозрачно-голубых озер где-то на краю света, живописных коряг, линялых палаток, трейлеров, чьих-то собак.

Были и фотографии женщин – загорелых, длинноногих, с татуировками на тонких руках и длинными ресницами. Каждая из них – младше Марины лет на десять минимум. В последний раз Анин отец заходил на эту страницу месяц назад, но вот уж о ком Марина точно не стала бы беспокоиться. В последние годы Максим окончательно перешел на фриланс (в чем именно, собственно говоря, заключался этот фриланс, сказать было трудно). Когда они с Мариной общались в прошлый раз пару лет назад, он уже почти год жил на Шри-Ланке, но, судя по фото, многое с тех пор изменилось.

Аня общалась с отцом. Переписывалась. Марина всегда думала, что нечасто, но теперь, скролля страницу вверх-вниз, вдруг поняла, что не может быть в этом уверена. Они могли созваниваться по телефону или скайпу. Могли видаться здесь, после Аниных уроков – или вместо уроков, – если Максим приезжал домой. Могли ли они делать это в секрете от нее после того, как они с Максимом окончательно рассорились?

Приходилось признать: могли.

Она достала из пачки очередную сигарету, щелкнула зажигалкой. Могло ли вообще между ней и Максимом все сложиться по-другому? В какой момент была допущена та самая ошибка, после которой ничего уже было не поправить?

Ей вдруг захотелось вспомнить – как будто это могло помочь.

Марина и Максим познакомились на даче у общих друзей. Она приехала туда вскоре после выпускного, и не одна – с молодым человеком, знакомым Лизы. Впоследствии безо всякой рисовки она не могла вспомнить, как его звали, хотя встречалась с ним (скрывая это от матери) уже несколько недель – срок длиною в маленькую жизнь для семнадцатилетней девчонки.

Когда Марина увидела Максима впервые, последний солнечный луч уходящего дня упал ему на лицо сквозь маленькое чердачное окошко – на чердак они забрались по шаткой лесенке небольшой компанией. По кругу ходила бутылка дешевого вина, разговор тек о высоких материях. Это был один из тех разговоров, которые кажутся в моменте незабываемыми, но не оставляют после себя ничего, кроме блаженного чувства свершившегося впустую таинства.

С того самого взгляда, брошенного на Максима, Марина больше ничего не слышала. Пальцы перебирали волосы молодого человека, чья голова лежала у нее на коленях, но взглядом она была с Максимом – внутри Максима. Он смотрел на нее в ответ – внимательно, серьезно, изумленно, и в тот миг, отуманенная вином и теплом, она вдруг почувствовала, что он видит ее всю так, как не видел никто другой никогда. В этом ощущении было смутное предчувствие близкой катастрофы.

Уже тогда Марина твердо знала, что этому человеку суждено сыграть значимую роль в ее жизни, и отчего-то была уверена, что роль эта будет прекрасной. Сердце сладко сжималось от предчувствия счастья, когда он улыбался ей. Это была любовь с первого взгляда – как еще можно было объяснить это чувство внезапного родства?

Теперь, годы спустя, Марина с легкостью нашла бы простое и понятное объяснение тому, что так быстро возникло тогда между ними (было ли это чувство обоюдным или она сама сложила взаимность из услужливо предоставленных ей красивых слов?), если бы захотела. Смешно – но она не хотела, несмотря на Аню, несмотря на то, что случилось потом.

Она никогда не испытывала недостатка в мужском внимании... Но до сих пор никто другой не смотрел на нее так, как умел смотреть Максим. До сих пор ни от кого другого она не чувствовала, как дрожащая, теплая, щекочущая волна танцует по коже спины, как сердце стремительно ухает вниз. Было бы слишком обидно низвести это чувство до того, чем оно, вероятно, и было, – заурядной любовной истории, плода подростковой впечатлительности, результата гормонального взрыва.

Тогда Марина тихонько скользнула вслед за ним на кухню и спросила, не видел ли он белого вина (которое она не любила). Он любезно предложил помощь в поисках. Они кружили по дому, а потом по двору, пока глаза юноши, с которым она приехала, светлели от гнева.

О чем они говорили?.. Заплати ей воображаемый интервьюер бешеный гонорар за откровенный рассказ о том вечере, еще неделю назад она не сумела бы ничего вспомнить. Шутки – удачные или плоские? В целом это не имело значения – в тот волшебный вечер любая шутка от него казалась бы верхом остроумия, любая мысль – преисполненной глубокого тайного смысла.

Он явно чувствовал это. Единственное, что вспоминалось сразу, – реплика, которую он выдал, глядя на вихрящийся за изгородью туман, который как будто не решался перебраться через нее и скользнуть по двору, пока на террасе кто-то играл на глиняной флейте.

– Какая удивительная ночь! Туман клубится, и эта музыка – как будто мечта, вымечтанная кем-то раньше времени, правда?

Тогда она кивнула, чувствуя, как от восторга волосы приподнимаются на затылке, а по коже бегут предательские мурашки. Возможно, дело было просто в ночной прохладе, которая вдохновенному Максиму в старой куртке была нипочем. Сейчас от одного воспоминания об этих словах она чувствовала жгучий стыд и пыталась успокоить себя тем, что Максим, вероятно, был вполне искренен в своих разглагольствованиях. Забавно – за все время в отношениях с ним она ни разу не увидела рисовки в человеке, который состоял из рисовки целиком.

Ночью она покорно забралась на старую софу, которую выделили им с ее молодым человеком. Он, бедолага, наверняка возлагал большие надежды на эту поездку, отдельную комнату в старом доме, вино и скрипучую софу. Видимо, ему так не хотелось расставаться с этими надеждами, что между выяснением отношений и приставаниями к ней он выбрал второе – и она с облегчением притворилась спящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.